

СЕРГЕЙ ЦВЕТКОВ

ЗНАМЯ НА ТЮИЛЬРИ

Сергей Цветков

Знамя на Тюильри

«Автор»

2025

Цветков С. Э.

Знамя на Тюильри / С. Э. Цветков — «Автор», 2025

Почти детективная история, случившаяся в Париже в новогоднюю ночь 1814 года, перед последним отъездом Наполеона в армию.

© Цветков С. Э., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	10
-----------------------------------	----

Сергей Цветков Знамя на Тюильри

I

1 января 1814 года префект парижской полиции проснулся несколько раньше обычного – нужно было присутствовать на прощальной аудиенции императора со столичными и имперскими властями перед его отъездом в армию. Открыв глаза, он ещё некоторое время понежился в блаженном утреннем тепле постели, потом встал, накинул халат и подошёл к окну.

Небо, затянутое пепельно-серыми тучами, обещало скверный, ненастный день. Набережная Сены была безлюдна. Мокрый снег, шедший всю ночь, ещё падал редкими снежинками в чёрную воду; он отметил белыми мазками крыши, карнизы, линию парапета, но на земле стоял или был перемешан колесами экипажей с обычной грязью парижских улиц – у извозчиков этой ночью было много работы.

Префект полиции окинул взглядом привычный ряд домов, теснящихся друг к другу на том берегу, их намокшие, местами облупившиеся фасады за чёрной сеткой ветвей каштанов и невольно поймал себя на мысли, что больше всего на свете ему хотелось бы провести этот день дома, сидя в кабинете у окна, также с видом на эту набережную, покуривая за чашкой кофе ароматные английские сигары из недавней партии конфискованной контрабанды и листая какой-нибудь, не совсем глупый роман. «И в самом деле, – подумал он, – не послать ли на сегодня все к черту – и аудиенцию, и службу, сказать себя больным, покапризничать немножко... Было бы славно порыться в библиотеке, найти что-нибудь историческое. Жаль, что теперь не пишут исторических романов: современные герои ужасно плаксивы или чрезмерно добродетельны. Дамы требуют от авторов чувствительности, философии или, что ещё хуже, художественного богословия. Читать такие книги – все равно что чистить луковицу: щиплет глаза на каждой странице... Впрочем, вместо романа можно, например, перелистать Безанваля»¹.

Мемуары с некоторых пор стали излюбленным чтением префекта полиции. Особенно он выделял свидетелей минувшего столетия, у которых находил выгодные отличия от современной изящной словесности: нелитературность чувств и речей, непредсказуемость событий, отсутствие античной мишуры и пространных описаний, которые он с неприятным чувством вины всегда пропускал в романах. Его удивляло то, как мемуарный жанр меняет привычную шкалу оценки книги, как циничность автора вдруг становится желаемой откровенностью, погоня за сплетнями – подбором исторических сведений, погрешности стиля – непосредственностью, длинноты – скрупулезностью, пристрастность – убежденностью. Порой он забавлялся странным сходством некоторых мест в воспоминаниях какого-нибудь блестящего вельможи с донесениями полицейских агентов и доброхотов-осведомителей, но и в этих случаях оставался снисходительным к автору – видел в этом лишнее доказательство жизненной правды написанного. В минуты мысленного злословия, следовавшие за подобными открытиями, префект полиции говорил себе, что мемуары, собственно, и есть донос современника на свою эпоху, как, возможно, и вся литература является одним большим доносом на человеческий род. Конечно, возникал вопрос, кому адресуется этот донос, но префект полиции был атеист и потому относил этот вид доносительства к числу объективно бескорыстных порывов человеческой души.

И все же главное заключалось в том, что префект полиции предавался чтению мемуаров не без тайного умысла. Мысль о составлении собственных Записок все чаще приходила ему в голову, и префект полиции, будучи неискушен в сочинительстве, искал среди признанных авторитетов жанра некий образец для подражания. Безанваль, по его мнению, был одной из подходящих фигур.

¹ «Мемуары» П.В. де Безанваля (1722—1791) были изданы в 1806 г.

«А что, уж если я остаюсь дома, то не начать ли сегодня, прямо сейчас?» – подумал вдруг префект полиции. От этой мысли сладко заныло под ложечкой, и он в волнении отошел от окна. Неизведанная прелесть авторского уединения в тиши кабинета, над грудой документов и рукописей овладела его воображением. «Конечно, сегодня же и начать! Набросать план, рассортировать документы, переписку, донесения, отчёты... О, это будет великий труд! Один только архив потребует не меньше месяца... Нет, какой там месяц – больше!.. Ах, как долго, но что поделаешь...»

Он подошёл к камину и в задумчивости погладил остывшие камни. "О чем же, собственно, я собираюсь писать? Ну, это, положим, более или менее ясно, – о том, как сын сельского ветеринара, волонтер 1793 года, неглупый, честолюбивый, целеустремленный, благодаря давнему знакомству с неким учителем монастырской школы сумел впоследствии, когда этот учитель в результате известных событий успел стать министром полиции Французской республики², оказать ему кое-какие услуги, которые не были забыты; после чего целеустремленный сын сельского ветеринара ещё не раз засвидетельствовал свою расторопность и преданность, в частности при поимке Кадудаль³, и был назначен префектом парижской полиции. Этот город исповедал мне свои грехи. Да, за полтора десятка лет – и каких лет! – я видел всех выдающихся людей Франции, о большинстве из них я знаю все, или почти все, – то есть то, что знают о них их жёны, друзья, лакеи и любовницы: не очень выгодный ракурс для знаменитости, да и не столь интересный, как это принято думать. Хотя, что говорить, случаются любопытные истории... Впрочем (моим читателям будет интересно узнать мое мнение на этот счёт), мои наблюдения приводят к выводу, что среди людей, которых называют гениями, редко встретишь подлинно утонченные формы разврата, подлости, низости и прочих мерзостей, обычно составляющих так называемую частную жизнь. Все это, конечно, есть и у них, особенно разврат, столь же неотвязно сопутствующий гению, как нимб святому, но их эгоизм наивен, как у ребёнка, и потому чаще всего привлекателен и неотразим. Иное дело посредственность, имеющая в руках власть и средства цивилизации, – о, здесь есть на что посмотреть!.. Зато в общественной жизни, в политике эгоизм заурядного человека столь же наивен, как у гения в частной жизни. Отчего это? Не берусь судить. Однако мой совет читателям таков: не ждите от гения чего-нибудь выдающегося в разделе бульварной хроники. Кто не верит мне, пусть сравнит в «Жизнеописаниях» Светония банальные грешки Цезаря с изощренным греховодничеством Тиберия, Калигулы, Вителлия или любого другого божественного скота. Итак, знаменитости, конечно, займут подобающее место в моих Записках, но будет несправедливо, если я опишу только высшие классы. Париж воров, бродяг, проституток и подмастерьев – не менее любопытное зрелище: я ведь имел возможность сравнивать. Ах, какие сюжеты я мог бы подсказать писателям – это настоящее золотое дно для литературы! Но кто из них найдёт в себе смелость сделать героем романа сыщика, или, как выражаются по ту сторону Ла-Манша, *detectiv'a*? Боюсь, что наши дамы сочтут такого автора непристойным. Страшно себе представить: главный герой входит в салон и рекомендует: «Я – сыщик!»⁴ Нет, до тех пор, пока романы пишутся для дам, такой автор обречен ходить в литературных изгоях. Однако, – вновь парадоксы жанра, – в мемуарах префекта полиции уголовные истории будут вполне уместны и не должны вызвать негодование. У меня есть чем побаловать публику. Ошибается тот, кто

² Речь идет о Ж. Фуше, герцоге Ортрантском (1759 – 1820), видном деятеле революции и министре полиции в 1799—1811 гг. и в 1815 г.

³ Кадудаль Жорж (1771—1804) – один из предводителей шуанов, организатор покушений на Наполеона в 1800-м и в 1803 гг. Казнен.

⁴ Впервые литературный герой представится подобным образом в романе Ч. Диккенса «Холодный дом» (1850): «Я – Баккет, из детективов. Я – агент сыскальной полиции». Однако уже в 1830-40-х гг. основатель Сюрте (французской уголовной полиции) Эжен Видок, о мемуарах которого столь неодобрительно отзывался А.С. Пушкин, неоднократно подсказывал сюжеты для романов О. Бальзаку и другим писателям.

думает, будто нравы простонародья целомудреннее разврата, царящего в парижских салонах. Везде одни и те же страсти, внизу, пожалуй, даже больше распущенности, ибо меньше условностей.

Что бы там ни говорили, но аристократ не зарежет своего соседа за два су. С другой стороны, конечно, жестокость голодного бандита более понятна и извинительна, чем людоедство в белых перчатках. Впрочем, я воздержусь от оценок. Достаточно и того, что мой баронский титул не заставил меня забыть своё происхождение, – это обстоятельство послужит мне защитой об обвинений в предвзятости".

Нарастающий грохот приближающегося экипажа прервал его размышления. Цоканье копыт звонко раздавалось в утренней тишине по всему кварталу. Шум смолкнул под самым окном дома префекта полиции. «Неужели ко мне? – удивился он. – Что ещё случилось в такую рань?» Он поспешно выглянул вниз. На улице из обычной закрытой повозки, путаясь в плаще, торопливо вылезал молодой человек, в котором префект полиции сразу узнал Рошамбо, чиновника своей префектуры, несшего сегодня ночное дежурство. Префект полиции нахмурился и, поплотнее запахнув халат, спустился в гостиную. Вошедшей горничной он сделал знак, что не нуждается в докладе и приказал выпустить посетителя. Рошамбо не заставил себя ждать.

– Тысяча извинений, господин префект... – начал он ещё на ходу, как только завидел своего начальника, но тот прервал его:

– К черту извинения, Рошамбо... Что случилось?

– Неотложное дело, господин префект. На площади Карусель собирается толпа. Я счёл необходимым поставить вас в известность. В такой день...

– Что за толпа, Рошамбо? Выражайтесь яснее!

– Ничего определённого, господин префект, пока что человек полтора, но люди все прибывают – обоого пола, всех возрастов и состояний. Общественный порядок ничем не нарушается, но цель собрания неизвестна.

– Почему?

– Из-за ночных гуляний все агенты были задействованы, но за ними уже послано. Думаю, что к этому часу они уже на месте.

– Хорошо, Рошамбо, ждите меня здесь.

Префект полиции позвонил и приказал прислуге подать горячую воду и платье. «Что ж, мемуары придётся отложить, – думал он, поспешно намыливая щеки и подбородок. – А может быть, и в самом деле ещё не время? Подождем, чем закончится эта война. Ведь, в конце концов, важно не то, что я напишу в мемуарах, а то, в каком виде я захочу предстать перед читателями, – не отдалёнными потомками (о, для них я писал бы весело, не стесняясь!), а перед современниками, для которых и пишется большинство мемуаров. Возможно, ещё следует подумать, нужно ли заострять внимание на моем ветеринарском происхождении... А, черт, порезался!»

В экипаже префектом полиции окончательно овладело дурное настроение. Он поминутно чувствовал, как пропущенные волосы на выбритом наспех подбородке больно цепляются за воротничок. Сидевший напротив Рошамбо избегал встречаться с ним взглядом.

Постепенно размышления префекта полиции принимали все более тревожный оттенок. Толпа перед Тюильри в день отъезда императора в армию, без сомнения, не могла предвещать ничего хорошего. Всплеск народного энтузиазма и патриотизма был запланирован на вторую половину дня, – он сам согласовал детали с министром полиции. Следовательно, если сходка и запланирована, то не им. Тогда кем? «Хорошенькое дело, – думал префект полиции, зябко кутаясь в соболью шубу, – довоенный подарок русского посланника, – интересно, знает ли уже об этом Савари?» Впрочем, гораздо сильнее осведомленности министра полиции его интересовал император: знает ли он? «Наверное, знает. Встает ни свет ни заря...» Префект полиции недоумевал: самые точные сведения говорили о том, что никакого широкого заговора в Париже ещё нет. Роялисты расклеивают прокламации, либералы должны выразить своё негодование в

почтительной речи на сегодняшней аудиенции; кажется, как всегда, немного интригует Талейран, и, как всегда, главным образом в свою пользу. Парижане все ещё обожают республику и императора, хотя и с удовольствием распевают «Короля Ивето» – антинаполеоновские куплеты некоего Беранже. «Тогда что же, стихийные беспорядки?» Но опыт префекта полиции отрицал существование стихийных беспорядков.

Все сомнения, впрочем, быстро отпали, как только коляска префекта въехала на площадь Карусель перед Тюильри. Префект полиции сразу приник к окошку и через минуту с облегчением откинулся назад. Его взгляд, устремленный на Рошамбо, стал таким ласковым, что молодой человек с недоумением в свою очередь приник к окну, сняв с головы высокую шляпу.

«Слава Богу, это только зеваки. И чтобы установить это, ему были нужны агенты!.. Боже, какими идиотами я командую», – весело думал префект полиции, наслаждаясь замешательством Рошамбо.

Причина скопления народа была ясна при первом же взгляде на площадь. Все собравшиеся перед дворцом глядели в одном направлении – поверх щеголеватой дворцовой решетки на крышу главного павильона Тюильри. Там, на месте привычного трёхцветного полотнища, развевалась какая-то черная тряпка⁵.

Префект полиции вышел из повозки и с наслаждением вдохнул холодный воздух. «Все в порядке, это не по моей части. Бедный комендант...» Он направился ко дворцу, расталкивая людей. Со всех сторон слышалось обсуждение того, кто и зачем решил подшутить над императором в его собственном дворце. Кое-кто даже громко называл предполагаемое имя смельчака. Префект полиции шел, не прислушиваясь: он уже заметил в толпе своих людей. Кроме них, там и тут сновали какие-то личности, вероятно роялисты, рассовывая в руки зевак небольшие листки. Один такой листок с любопытством разглядывал полицейский агент. Проходя мимо него, префект полиции сердито вырвал листок из его рук, быстро взглянул – косматый казак вручает Наполеону визитную карточку русского царя и куплеты внизу – и, смяв, отбросил: уже видел.

II

Было около восьми часов, когда префект полиции, миновав двух огромных гренадёров в шинелях, неподвижно застывших под бронзовыми конями на главных воротах, поднялся по дворцовой лестнице. Сбросив шубу и шапку на руки лакеям, он быстрым шагом пересек Маршалльский и Тронный залы и очутился в парадном кабинете императора. Находившиеся там несколько человек обернулись в его сторону и молча раскланялись. Это были министр полиции Савари, плац-адъютант Оже, обер-церемониймейстер Сегюр, дворцовый комендант и два гоф-фурьера. Префекту полиции доставило некоторое удовольствие то, что из начальников остальных четырёх полиций империи его опередил один Савари, хотя все они, – префекту полиции это было прекрасно известно, – узнали о случившемся одновременно с ним самим. Спустя несколько минут один за другим прибыли коллеги: начальник тайной полиции, главный инспектор жандармерии и, последним, начальник почтового ведомства – его, впрочем, данное происшествие касалось меньше всего.

Комендант был совсем плох. Это никого не удивляло; однако никто из присутствующих и в мыслях не имел упрекнуть его в недостатке хладнокровия. Вспышки императорского гнева были хорошо знакомы каждому из них, они наводили леденящий ужас не только на провинившегося, но и на всякого, кто волей-неволей становился их свидетелем. Поэтому людей, присутствовавших сейчас в кабинете, не успокаивало даже то, что вина коменданта была слишком очевидна, чтобы опасаться за себя. Конечно, ничего из ряда вон выходящего в случившемся тоже не было: проникнуть во дворец было легко. Любой парижанин знал, что караул в Тюильри невелик и охраняет, главным образом, внутренние покои императора. Это было распоряжение

⁵ Действительное событие, отмеченное в мемуарах современников.

самого Наполеона, сохранявшееся неизменным пятнадцатый год, со времен консульства. Было очевидно, что на этот раз жизнь императора не подвергалась опасности (впрочем, внести в этот вопрос окончательную ясность – дело министра полиции). Некоторая пикантность происшествия заключалась в том, что оно случилось именно сегодня, накануне отъезда императора в армию: Наполеон был чрезвычайно чуток к неблагоприятным предзнаменованиям. Никакого сочувствия комендант, однако, тоже не вызывал – в Тюильри привыкли к частой смене комендантов.

Поговорили о последних новостях, о новогоднем маскараде в Тюильри и ратуше, о вчерашнем «Отел-ло» с Тальма в заглавной роли.

– Тальма совершенно перестал играть во французских трагедиях. Кажется, он почти презирает их!..

– О, вы правы. Это наше вечное самоуничужение!

– Теперь он черпает вдохновение в необузданных страстях этого Шекспира, от которого нынче без ума вся Германия.

– Но когда немцы были законодателями литературной моды?

– Я думаю, что Шекспир не для Парижа. Здесь слишком тонко чувствуют... Старина Дюси, при всем своём таланте, едва ли смог облагородить этого английского варвара.

– И все же некоторые его сцены недурны. В них есть нечто от высокой поэзии.

– Но душить женщин, фи!.. Слава Богу, у Дюси хватило ума и вкуса оставить Дездемону в живых.

– Говорят, что Тальма близок к душевному расстройству. Вчера, в роли мавра, он был как-то особенно дик. Вы обратили внимание? Эти блуждающие глаза, эти телодвижения помешанного... Моей даме стало дурно. Клянусь, был момент, когда я боялся за актрису!

– Кстати, как вы находите мадам в роли Дездемоны?

– М-м.. Наша красавица уже в возрасте. К тому же у неё опавшая грудь, но, не касаясь этого, в остальном она все ещё великолепно сложена...

Разговор поддерживали главным образом дворцовые офицеры. Прочие отделялись репликами или молчали. Начальник тайной полиции обдумывал, как связать сегодняшнее происшествие с действиями роялистов, – знал, что на доводы в пользу роялистского заговора император охотнее всего сделает вид, что верит. Не верил в заговор, Разумеется, и сам начальник тайной полиции: считал, и не без основания, что заговор может возникнуть не раньше того времени, когда союзная армия окажется в двух лье от Парижа. Он решил, однако, поговорить об этом с министром полиции, чтобы склонить его в пользу своего мнения. Был уверен, что ему удастся без труда убедить в своей правоте Савари, полного профана в полицейской службе, сменившего на посту министра всезнающего Фуше.

Савари, действительно, совершенно не представлял, что скажет императору. Как всегда в затруднительных случаях, – а для Савари почти каждый случай был затруднительным, – полицейская деятельность представлялась ему самым большим недоразумением в его жизни. В минуты откровенности он признавался себе, что его главной добродетелью, как министра, было, пожалуй, чрезмерное утомление себя работой. В этом, впрочем, он ничем не отличался от прочих министров Наполеона. Савари утешал себя тем, что если император, который, без сомнения, не заблуждался на его счёт, держит его на этом посту, значит, так нужно для блага Франции. Император все делал исключительно для блага Франции. И все же мысли об отставке приобретали в последнее время в глазах Савари все большую привлекательность.

Плац-адъютант Оже был предупредительно учтив с комендантом и размышлял, кому следующему император поручит эту хлопотливую должность. В общем, кандидатура не имела особого значения, поскольку последние десять лет фактическим негласным комендантом Тюильри был сам Оже. Все же некоторые нюансы – покладистость, веселость характера, умение пить – следовало учитывать. Этот, бывший, был не из зануд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.